

*Роману,
который заставляет
мое сердце биться.*

Музыка дает душу вселенной,
крылья разуму, полет вообра-
жению и жизнь всему.

Платон

Глава 1

*Кромвель
Брайтон, Англия*

Клуб, точно единый организм, пульсировал в такт каждому моему движению. Вскинутые руки, раскачивающиеся в диком ритме бедра, широко распахнутые глаза, бессмысленные взгляды — музыка вливалась в уши толпы реву-щим потоком, контролируя каждое ее движение. Воздух стал тяжелым и вязким, одежда липла к взмокшим телам: ради возможности послушать меня в клуб набилась огромная толпа.

Я смотрел, как цветные прожекторы скользят по морю танцующих тел, наблюдал, как люди растворяются в звуке. Кем были все они днем — студентами, копами, сотрудниками call-центров? — Какая, к черту, разница. Прямо сейчас, в этом клубе, они — рабы моих ритмов. В данный момент вся их жизнь заключается в моей музыке. Сейчас лишь это имеет для них значение, и они в экстазе запрокидывали головы и плыли по волнам нирваны, в которую погрузил их я, тот, кто стоял на сцене.

Зато меня чувства не касались, разве что оцепенение, подаренное плескавшимся у меня в животе алкоголем.

Кто-то обнял меня за талию. Горячее дыхание обожгло ухо, и пухлые губы впились в шею. В последний раз пробежав пальцами по кнопкам, я схватил бутылку «Джек Дэниелс», что стояла рядом, и сделал большой глоток прямо из горлышка. Потом, даже не глядя, с размаху поставил виски обратно на сцену и снова потянулся к ноутбуку, чтобы замиксовать следующую композицию. Пальцы с острыми ноготками зарылись мне в волосы, потянули за черные пряди. Я стучал по клавишам, приглушая музыку, замедляя ритм.

Дыхание мое стало тише, а толпа замерла в ожидании, приготовилась к прыжку — я уверенно заставлял ее двигаться медленнее, подводил к кульминации — впереди нас ждет гигантская волна ударных, безумная смесь звуков, которую я приготовил. Оторвав взгляд от экрана ноутбука, я оглядел толпу и усмехнулся при виде застывших в ожидании лиц. Полет над пропастью... ожидание...

Сейчас.

Прижав наушники к левому уху, я резко ударил по кнопкам, и на танцпол накатил, обрушился громopodobный вал электронной музыки. В воздухе сверкнули неоновые вспышки; у меня перед глазами запрыгали зеленые, синие и красные пятна, они накрыли все лица подобно неоновым щитам.

Руки крепче обхватили мою талию, но я не обратил на это никакого внимания. Снова по-

тянулся к бутылке «Джек Дэниелс», потому что она прямо-таки выкрикивала мое имя. После очередного глотка напряженные мышцы стали расслабляться, руки танцевали над клавиатурой ноутбука и микшером.

Я поднял глаза, дабы удостовериться, что толпа по-прежнему принадлежит мне.

Так оно и было.

Мое внимание привлекла девушка, стоявшая в центре зала. Собранные в хвост, длинные каштановые волосы, фиолетовое платье с высоким воротником — надо же было так одеться для похода в клуб. В отличие от остальных на танцполе, ее окружали не яркие цвета, а бледно-розовый и лавандовый. Спокойные, безоблачные. Когда я ее заметил, мои брови сами собой нахмурились. Глаза девушки были закрыты, но она не двигалась, просто оставалась на месте, и из-за этого казалась бесконечно далекой от окружавшей ее толпы. Она стояла, слегка вздернув подбородок, ее лицо казалось предельно сосредоточенным, будто она внимательно прислушивалась к каждому звуку.

Я ускорил ритм, чтобы сильнее раскатать толпу, но девушка не шевельнулась. Ну, надо же. Обычно я мог завести всех и каждого, легко управлял настроением посетителей клуба, контролировал каждое их движение. Так опытный кукловод дергает за ниточки, и марионетки ему послушны.

Очередной глоток виски обжег мне горло. Следующие пять треков девица по-прежнему стояла на месте, как статуя; мои забористые рит-

мы оставляли ее совершенно безучастной. Ни улыбки, ни эйфории, только... глаза закрыты, и на лице это сосредоточенное выражение, будь оно неладно.

Розовый и лавандовый цвета так и обволакивали ее сияющим ореолом.

— Кромвель, — проворковала на ухо повисшая на мне блондинка.

Ее пальцы приподняли край моей футболки, нащупали ремень и скользнули за пояс джинсов, царапая кожу длинными ногтями.

Однако я все смотрел на девушку в фиолетовом платье.

Каштановые волосы у нее на висках уже завивались колечками от пота — виновата царившая в клубе жарница. Блондинка, совершенно не стесняясь того, что мы на виду у всего клуба, вцепилась мне в ширинку. Запустив следующий микс, я перехватил ее руку, отбросил от себя и застегнул брюки. Красотка, решив так просто не сдаваться, немедленно запустила пальцы мне в волосы. Я застонал и посмотрел на своего парника, который стоял за соседним пультом.

— Ник! — Я указал на свой пульт. — Присмотри тут, только не запори все дело.

Ник непонимающе нахмурился, потом заметил прижимающуюся девицу и улыбнулся. Он снял наушники и занял мое место, чтобы держать под контролем плей-лист, который я запустил. Стив, владелец клуба, всегда позволял уединяться с девушками за сценой. Я никогда ничего не требовал от поклонниц, но и не давал

им от ворот поворот. С чего мне отказывать горячим, на все готовым цыпочкам?

Я схватил «Джек Дэниелс», а блондинка прижалась губами к моим губам и потянула меня за футболку. Слегка оттолкнув ее, я приложился к бутылке. Девушка утащила меня в темный угол за сценой, опустила на колени и расстегнула ширинку. Я закрыл глаза и позволил ей делать свое дело.

Снова глотнув виски, откинул голову, прижавшись затылком к стене, и попытался хоть что-то почувствовать. Глянул вниз, на движущуюся светлую макушку.

Однако оцепенение, с которым я жил уже много дней, не покидало меня. В основании позвоночника возникло давление, мои бедра напряглись, и все закончилось.

Блондинка встала и посмотрела на меня сияющим взглядом.

— Твои глаза. — Она провела пальчиком по моему виску. — Такой необычный цвет, темно-темно-синий.

Верно подмечено. Вкупе с черными волосами мои синие глаза всегда привлекали внимание, как и тот факт, что я — один из самых крутых диджеев Европы. Ладно, возможно, глаза играли не такую важную роль, как мое имя: Кромвель Дин. Этим летом оно гремело на самых крупных музыкальных фестивалях и в самых шикарных клубах.

Я застегнул ширинку и повернулся посмотреть, как там справляется Ник. Увы, я тут же

поморщился, потому что он не смог сделать переход между двумя треками так, как сделал бы я. На танцполе клубился темно-синий дым.

Я никогда не использовал темно-синий.

Я протолкнулся между стеной и блондинкой, бросив ей на прощание: «Спасибо, детка», и не обратил внимания, когда она прошипела в ответ: «Придунок!» Сняв с головы Ника наушники, я надел их сам. Несколько щелчков по клавиатуре — и толпа снова у меня в руках.

Неосознанно я вновь посмотрел на то место, где недавно стояла девушка в фиолетовом платье.

Ее не было, так что бледно-розовый и лавандовый отблески тоже исчезли.

Я опять глотнул «Джек Дэниелс», замиксовал очередной трек, а потом отключился.

Песок охлаждал мои ступни. Наступление лета здесь, в Соединенном Королевстве, вовсе не означает, что, высунув нос на улицу, вы не отморозите себе все на свете. Сжимая в руках бутылку и пачку сигарет, я рухнул на песок, закурил и стал смотреть в черное небо. В кармане завибрировал мобильный... уже в который раз. Он трезвонил всю ночь не переставая.

В конце концов его жужжание меня достало, так что пришлось пошевелить рукой и достать телефон. Три пропущенных вызова от профессора Льюиса, два от мамы и пара сообщений.

МАМА: Профессор Льюис снова пытался с тобой связаться. Что ты собираешься делать?

Пожалуйста, позвони мне. Знаю, ты расстроен, но речь идет о твоём будущем. У тебя есть дар, сынок. Возможно, в этом году пора начать все сначала. Не упусти эту возможность только из-за того, что злишься на меня.

На меня накатила волна обжигающей ярости. Захотелось швырнуть телефон в чертово море и смотреть, как он идет на дно вместе с хаосом, царившим у меня в голове. Но я успел увидеть сообщение от профессора Льюиса.

ЛЬЮИС: Предложение еще в силе, но ответ мне нужен не позднее следующей недели. Для перевода все готово, не хватает только вашего согласия. У вас выдающийся талант, Кромвель, не растрачивайте его впустую. Я могу помочь.

На сей раз я все-таки бросил телефон рядом с собой и снова плюхнулся на песок. Затянулся, так что дым наполнил мои легкие под завязку, и закрыл глаза. Некоторое время я лежал, слушающая доносившуюся откуда-то музыку. Какая-то классика. Моцарт.

Мой одурманенный алкоголем разум немедленно скользнул в прошлое, в то время, когда я был ребенком...

— *Что ты слышишь, Кромвель?* — спросила мама.

Я зажмурился и прослушал музыкальный отрывок. Перед глазами у меня танцевали разноцветные круги.

— *Пианино. Скрипка. Виолончель. — Я глубоко вдохнул. — Слышу красный, зеленый и розовый.*